

Дискурсы этики. 2022, 1(13): 69—84

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2022/07/DE2022_1_13_69-84.pdf

УДК 179.9

УНИВЕРСАЛИЗМ И РЕЛЯТИВИЗМ МОРАЛЬНОГО АГЕНТА БИОЛОГИЧЕСКОГО НРАВСТВЕННОГО УЛУЧШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Гарвардт М. А., Перова Н. В.

статья:

поступила в редакцию 24.03.2022

принята к публикации 25.05.2022

опубликована (онлайн) 09.07.2022

© Гарвардт Мария Андреевна

бакалавр Прикладной этики

обучающаяся магистратуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: mariagarwardt@gmail.com

© Перова Нина Вадимовна

бакалавр Философии

обучающаяся магистратуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: nino4kaperova@yandex.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Теоретические основания современных исследований в области биологического нравственного совершенствования утверждают отказ от государственных программ и единой цели в пользу свободы использования и ценностного плюрализма. При этом сами исследования утверждают стремление к совершенному моральному агенту. Этот агент определяется в первую очередь понятиями альтруизма, сострадания, доверия, справедливости и эмпатии. При этом, универсаль-

ность данных качеств носит бесосновательный характер. Более того, ориентация именно на них как на «общепринятые» ставит под вопрос существование определенных типов моральных агентов, чье поведение априорно отличается от всех остальных. В данной статье мы рассмотрим каким образом стремящиеся к универсализму категории морального агента не могут быть реализованы в рамках деятельности военных и политиков. На основании этого мы докажем невозможность использования технологий биологического нравственного улучшения для создания совершенного нравственного агента.

Ключевые слова: моральный агент, универсализм, биологическое нравственное улучшение, политическая этика, этика военнослужащего.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 22-28-00379
«Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»

Discourses of Ethics. 2022, 1(13): 69—84

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2022/07/DE2022_1_13_69-84.pdf

UNIVERSALISM AND RELATIVISM OF THE MORAL AGENCY OF BIOLOGICAL MORAL ENHANCEMENT (ON THE EXAMPLE OF POLITICAL ACTIVITY)

Garvardt Maria, Nina Perova

received 24.03.2022

accepted 25.05.2022

published (online) 09.07.2022

© Maria A. Garvardt

Bachelor of Applied Ethics

Master student at the Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: mariagarvardt@gmail.com

© Nina V. Perova

Bachelor of Philosophy

Master student at the Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: nino4kaperova@yandex.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The theoretical foundations of modern research in the field of biological moral enhancement rejects government programs and the idea of unified goal in favour of freedom of use and pluralism of values. At the same time, the research itself affirms the desire for a perfect moral agent. This agent is defined primarily by the concepts of altruism, compassion, trust, justice, and empathy. At the same time, the universality of these qualities is unfounded. Moreover, the focus on them as "generally accepted"

calls into question the existence of certain types of moral agents, whose behaviour is a priori different from all others. In this article, we will consider how the categories of moral agent striving for universalism cannot be realized within the framework of the functions of the military and politics. Based on this, we will prove the impossibility of using biological moral enhancement technologies to create a perfect moral agent.

Keywords: moral agent, universalism, biological moral enhancement, political ethics, military ethics

Funded by the RSF, project №.22-28-00379
«Transformations of the Moral Agency: Ethical and Philosophical Analysis»

Совершенный, или улучшенный, моральный агент с точки зрения нравственного биоулучшения не имеет четких статичных рамок. Это во многом связано с изначальными этическими установками, на которых, в теории, строится изучение возможностей биологического совершенствования человека. Таких установок всего три: проверенность используемых технологий, плюрализм ценностей, свобода использования. В данном случае нас интересуют две последние.

Биоулучшение, иногда также именуемое либеральной евгеникой, является современной версией классической евгеники, появившейся в конце XIX века в работах Фрэнсиса Гальтона. Его изначальная идея науки о создании искусственного механизма человеческой популяции в более поздних трудах, преимущественно в книге «Наследственный гений: изучение его законов и последствий» [13], превращается в систему генетического превосходства одних людей над другими. Его разделение человечества на цивилизованных аристократов и варваров в начале XX века легло в основу радикального социального деления в обществе. В США идеи Гальтона превратились в евгеническую систему борьбы с бедностью, преступностью, психологическими заболеваниями и различными формами девиантного поведения. В Германии евгеника стала научным основанием теории превосходства арийской расы. Все это привело к тому, что методики классической евгеники были запрещены после Второй мировой войны. В связи с этим, развитие либеральной евгеники требовало утверждения переосмысления нравственных оснований классической евгеники.

Установка «свобода использования» может рассматриваться как некоторый синтез истории развития технологий улучшения и опыта биоэтики. Классическая евгеника была сосредоточена на контроле генофонда человечества в целом. В связи с этим она развивалась в рам-

ках государственных программ, определяемых «сверху». В США евгеника развивалась в первую очередь как программы принудительной стерилизации. В нацистской Германии евгеника включала как эвтаназию, вроде программы T4, так и газовые камеры и медицинские эксперименты в концентрационных лагерях. Ни в одной из стран евгеника не подразумевала возможности отказа от участия, альтернативы прерывания рода или чего-либо другого. Все программы носили обязательный и принудительный характер.

С другой стороны, в современной биоэтике взаимодействия «врач-пациент» одним из ключевых понятий является информированное добровольное согласие. Оно направлено на «соблюдение права пациента знать всю правду о состоянии своего здоровья, о существующих способах лечения его заболевания и риске, связанном с каждым из них» [5, с.26]. Идея информированного согласия сформировалась в противовес достаточно частным практикам насильственного вовлечения пациентов в экспериментальную деятельность врачей. Опять же, из-за сложного прошлого классической евгеники, для современных технологий «свобода использования» включает информированное согласие, чтобы избежать сравнений с предшествующим опытом.

Установка «плюрализм ценностей» также строится в противовес классической евгенике. В США программы евгенической стерилизации определялись списком нежелательных передаваемых генетическим путем заболеваний. Этот список представлялся Центром изучения евгеники [10], который определял в качестве наследственных такие «заболевания» как бедность, занятия проституцией и гомосексуализм. В Австралии программы изъятия «Украденного поколения» основывались на исключительной превосходности колонизаторов [14], в Германии существовали четкие представления о характеристиках «идеального арийского человека». Либеральная евгеника, как и весь современный либерализм, постепенно отказывается от идеи универсальности морального агента в пользу ценностного плюрализма. В некотором смысле, она развивается в русле философии И. Берлина, согласно которой «плюрализм человечнее, потому что не лишает людей — во

имя отдаленного и непоследовательного идеала — того, что сами они считают в своей жизни незаменимым» [8, с.242]. Вместо идеи унифицированной совершенной жизни формируется идея комбинирования ценностей в разных пропорциях, создавая различные виды жизни, которые являются ценными и достойными. Признается, что некоторые характеристики не ценны для конкретных людей, даже если они являются всеобщими принятыми [12]. В связи с этим, помимо возможности использовать или не использовать технологии улучшения, либеральная евгеника также предлагает широкий спектр ценностей и характеристик, в отношении которых можно самостоятельно выбирать степень вмешательства.

С учетом данных установок возникает вопрос, возможно ли выделить единую цель технологий нравственного биоулучшения. Поскольку систематизация этих технологий заслуживает отдельного рассмотрения, в данной статье будут преимущественно рассматриваться два наиболее распространенных подхода: «Улучшение мотивов» Томаса Дугласа и «Улучшение нравственных качеств» Джулиана Савулеску. Дуглас понимает нравственного улучшенного агента как измененного таким образом, что есть основания полагать, что в будущем он имеет в общей сложности более нравственные мотивы, чем были ранее [11]. Савулеску, ссылаясь на утилитаризм, говорит, что нравственность предполагает наилучшее возможное поведение в сложившейся ситуации. И тогда улучшение должно быть механизмом преодоления слабости человека, его склонности поступать менее нравственно или безнравственно. Улучшенный моральный агент является обладателем «общепринятых» нравственных качеств, которые чаще всего сводятся к сочувствию, альтруизму, состраданию и эмпатии, а также отсутствию агрессии и раздражительности, которые должны улучшить понимание агента о справедливости и честности. Для этого у каждого якобы есть априорные задатки, но их недостаточно. Человеку свойственно делить мир на «своих» и «чужих», и нравственное поведение направлено только на «своих». Совершенный моральный агент будущего должен избавиться от подобной дихотомии, и быть эмпатичным, справедли-

вым, сострадательным и испытывать доверие ко всем другим моральным агентам без исключения [18].

Наиболее распространенным подходом является улучшение нравственных качеств, что приводит нас к проблеме универсализма, которую, казалось бы, либеральная евгеника преодолевает. Моральный агент определяется наличием у него «общепринятых» качеств, а значит их набор должен быть единым для всех. Причем как основополагающие рассматриваются альтруизм и сострадание. Но получается, что декларируемый «плюрализм ценностей» отходит на второй план как только происходит переход от абстрактной возможности нравственного улучшения к конкретным подходам и практикам. Опустим тот факт, что исследователи не приводят никаких оснований, почему именно эти качества являются этическими, кроме как их иллюзорная «общепринятость». Даже если мы примем все эти качества как действительно нравственные, в рамках технологий биоулучшения все равно остается проблема возврата к централизованным программам классической евгеники. Эта проблема во многом сохраняется в рамках «Улучшения мотивов». Да, в основе подхода Дугласа стоит идея индивидуализации улучшений исходя из того, что именно необходимо данному агенту для улучшения мотивов. Для того, кто и так поступает справедливо, повышение справедливой мотивации ничего не будет значить, для того же кто почти никогда не мотивирован справедливостью это будет значительное улучшение [11]. Однако, переходя к конкретным примерам улучшения, Дуглас возвращается к тому же набору качеств, о котором говорят все остальные: справедливость, доверие, альтруизм, сопереживание. Даже подход, который в своей сути преодолевает универсализм, на данном этапе развития все равно к универсализму возвращается.

Все это дополняется достаточно распространенным мнением, что улучшения, будучи добровольными, являются моральным долгом. У человека якобы есть нравственный долг иметь наилучших возможных детей [16], а неполноценность и несовершенство современного человека указывают на необходимость постоянного улучшения для про-

должения существования человечества [17]. Бьюкенен и Савулеску строят свои теории благополучия на необходимости наличия определенного набора качеств. Улучшение этих качеств в теории продолжает носить добровольный характер, тем не менее являясь нравственным долгом каждого морального агента [9]. Савулеску дополняет эту теорию идеей системы «добровольного принуждения», в рамках которой определенные черты будут прививаться абсолютно всем детям в качестве некоторой государственной или даже международной программы по улучшению населения (к этим чертам он относит в первую очередь черты характера как доброта, справедливость и несклонность к агрессии), но при этом все население будет согласно на подобные модификации генома ради «общепринятых положительных качеств» [15].

Несмотря на то, что ценностные установки либеральной евгеники ориентированы на отсутствие идеала или на появление плюралистического идеала, улучшение нравственных качеств и улучшение мотивов говорит о другом. Технологии нравственного биоулучшения настроены если не на реальное создание совершенного морального агента, то по крайней мере на приближение всех к нему. Особое опасение вызывает позиционирование использования технологий биоулучшения как некоторой нравственной обязанности каждого. Все это, в сумме, дает псевдолиберальную повестку принудительного создания общества аналогичных моральных агентов: альтруистичных, эмпатичных, честных, неагрессивных, не разделяющим мир на «своих» и «чужих».

У теории универсальности морали есть много сторонников. Деонтология И. Канта построена на универсальности морального закона. О.Г. Дробницкий также приходит к универсализму морали, хотя и несколько в другом значении. При этом универсальность обретает содержательную строгость только будучи концептуализированной, а само по себе, вне теоретического контекста, это понятие «безосновательно» [2]. Перспектива сведения всего общества к единому моральному агенту не является теоретически обоснованной. Более того, она

еще и выглядит весьма нереалистично. Современное общество состоит не из однородных агентов. Особенности различных социальных ролей и статусов позволяют одно и то же действие, а вместе с этим одно и то же качество, в зависимости от контекста воспринимать одновременно и как моральное, и как аморальное.

Возьмем, например, дихотомию «свой-чужой». Для улучшенного морального агента необходим отказ от подобного разделения общества. Однако это возможно не для всех. Отсутствие подобного разделения общества ставит под сомнение существование такого вида общественных отношений как политика. Дело в том, что политика существует исключительно как взаимодействие нетождественных субъектов, которые имеют как возможности для сотрудничества, так и претензии в рамках одних и тех же интересов. Субъекты - государства, политические партии и прочее - здесь обособляются именно как отличные от других, и даже если объединяются как схожие (правые и левые партии, страны в составе Евросоюза или иных альянсов), существуют только тогда, когда знают, кем они являются и не являются.

Высшей ценностью политика еще со времен Платона и Аристотеля является благополучие вверенного ему государства. Добродетель политика - принимать оправданные с точки зрения полезности решения, мыслители Нового времени добавляют к этому факту также идею о соразмерности целей и средств, затраченных для реализации этих решений. Однако в моральном отношении для достижения этой ценности политик не только не обязан, но зачастую и не должен обладать таким важнейшим для совершенного морального агента качеством как честность. Макиавелли в «Государе» писал: «...разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. [6]». Аналогично подразумевается, что политик не может быть доверчив - если он сам может не держать слово, то его коллеги и партнеры и подавно.

Вызывает вопросы также категория справедливости с точки зрения политических деятелей. Дело в том, что большинство политических решений в обществе по сути является перераспределением некоторых благ: ресурсов, денег, земель и так далее. Справедливость, которой руководствуются при этом политики, не может быть принята всеми как единственно верная, поскольку желание человека обладать благами и представление о том, что он более других достоин обладать ими, с необходимостью ставит его в позицию обделенного, когда распределение происходит не в его пользу, будь он условным большинством или условным меньшинством.

Говоря о политике, мы с необходимостью приходим к вопросу войны, к которому, как к пограничному в моральном отношении явлению, в философском осмыслении отношение неоднозначное: от пацифического неприятия как воплощения зла и негативного отношения под грифом неотвратимости, а потому необходимости существовать внутри этого процесса максимально возможно морально, до понимания как онтологической формы исторического процесса. Так Гегель, например, в принципе отрицает возможность решать какие-либо вопросы между государствами конгрессами, война для него - единственный метод политического взаимодействия, соответственно, отказ от него - нежелание действовать в интересах государства, то есть, пренебрежение основной ценностью [4]. По мысли Н.А. Бердяева, моральные категории истории вовсе отличаются от моральных категорий личности, поэтому политик должен руководствоваться первыми, а значит не пренебрегать войной в том случае, если этот политический инструмент использовать сейчас необходимо не только в интересах государства, но и для сохранения национальной целостности [3]. Карл Шмитт подчёркивает, что политическому сознанию вообще важна не столько сама война, как действие, столько идея допустимости войны, как критерий политической самоидентификации - потому что именно через допустимость войны мы и определяем, кто есть «чужой» [7]. Однако, независимо от нашего к ней отношения, война происходит, и требует от политиков принятия решений и создания приказов, которые несо-

поставимы с ценностями совершенного морального агента: невозможно проявлять эмпатию в процессе лишения противника жизни или разрушения его дома.

В этом отношении встает также проблема морального агента в социальной роли военнослужащего. Основная этическая проблема этого рода деятельности - неизбежность в большинстве случаев разрушений, причинения боли, убийств в процессе выполнения приказа. И хотя ряд мыслителей сходится во мнении, что солдаты должны отказаться от жестокости, не должны применять летальные средства к сложившим оружие врагам и соблюдать международные нормы, сама сложившаяся делает невозможным применение категорий эмпатии и сострадания ко всем людям, потому что для тех, кто попадает в данном контексте под понятие «чужой», они теряют силу. Агрессия также является неотъемлемой частью такой работы.

Наиболее близким качеством, присущим совершенному моральному субъекту, политику и военному является альтруизм. И действительно, для них характерно выступать от имени людей и защищать или помогать людям, причем для военнослужащих это принципиально важно: их альтруизм заключается в кратном увеличении возможности умереть в интересах людей. Однако другие категории не выдерживают приложения к профессии. Даже если мы говорим о современной, гибридной войне, инструментами которой являются кибервойна, поддержка повстанцев на территории противника и т.д., категории честности, доверия (ко всем людям, «своим» и «чужим»), оказываются излишними в профессии. Запуск фейк-ньюс или недостаточно хорошо проверенная информация, унижение чужой культуры и далее, не могут быть воспроизведены совершенным моральным агентом.

Исходя из сказанного выше, мы можем прийти к такому выводу: ну вот, стоит произвести биоулучшение, как люди сразу перестанут воевать, а поскольку война - это зло (опускаем вариант онтологической неизбежности), то всеобщее улучшение сделает доброе дело. Однако по мысли Андреани Ж. и Аснэ П.: «В крайнем реалистичном видении, идея международной морали противоречива. Согласно ей, сообщест-

во Государств якобы имеет общие ценности и верования, — иллюзия, которая продержалась не дольше, чем идеал *civitas christiana* (христианского общества)» [1]. До тех пор, пока на Земле не создано единое государство, невозможно отказаться от политики вообще. Различия в ценностях конкретных стран и регионов усиливают эту проблему. Идея различения справедливости, например, для разных систем и разных народов, отраженная еще в анекдотах про жителей африканских племен и кражу коровы, и каким бы успешным не казался опыт глобализации, он еще не смог окончательно стереть исторически сложившуюся разницу в подходах к этическим категориям.

Кроме того, даже приняв решение провести биоулучшение всех людей, мы столкнемся с проблемой невозможности провести его единовременно. Невозможно сначала всех улучшить, а потом прекратить войны. Именно поэтому мир окажется в состоянии, когда часть людей обладает качествами совершенного морального агента, а другая нет. Рассматривая эту ситуацию с точки зрения ведения войны, мы можем сказать, что коллектив неулучшенных людей одержит победу в этом противостоянии, поскольку отсутствие строгих моральных рамок расширяет варианты неэтичного, но эффективного решения проблем. Совершенные моральные агенты окажутся в ситуации угрозы полного уничтожения, а не поворота мира к лучшему.

Список литературы

1. Андреани Ж. и Аснэ П. «Мораль и насилие в международных отношениях» [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/doc283034_549694780?hash=254cf8fe5e3185e388&dl=c91eb9e3317f2b42b1 (дата обращения 30.05.2022)
2. Апресян Р.Г. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 79 – 88.
3. Бердяев Н.А. Война и кризис интеллигентского сознания [Электронный ресурс] URL: http://www.odinblago.ru/voina_i_krizis_intellig_sozn (дата обращения 30.05.2022)

Гарвардт М. А., Перова Н. В.
Универсализм и релятивизм морального агента биологического нравственного
улучшения (на примере политической деятельности)

4. Гегель Г. *Философия права*. // *Немецкая классическая философия* Том I. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2000. 784 с.
5. Ковалева Т. В. Этическая рецепция информированного согласия // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. 2011. №2. С. 26
6. Макиавелли Н. *Государь*. М.: Планета, 1990. 80 с.
7. Шмитт К. *Понятия политического*. // *Вопросы социологии*. 1992. Т.1. №1. с. 37 – 67.
8. Berlin I. *Russian thinkers*. London: Penguin Books, 2000. pp. 238—260.
9. Buchanan A. *Better than Human: The Promise and Perils of Enhancing Ourselves*. New York: Oxford University Press. 2011. 216p.
10. Davenport C.B. *Eugenics Record Office Bulletin No. 6: The Trait Book*. Cold Spring Harbor, NY: Eugenics Record Office. 1912.
11. Douglas T. *Moral Enhancement* // *Journal of Applied Philosophy* №25. 2008. Pp 228–45.
12. Douglas T. *Moral Enhancement* // *Journal of Applied Philosophy* №25. 2008. Pp 228–45.
13. Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. Oxford: Clarendon Press, 1980
14. Galton F. *Hereditary Genius: An Inquiry into its Laws and Consequences* // *Nature*. No 93. 453p. <https://doi.org/10.1038/093453b0>
15. Lewis W., Balderstone S., Bowan J. *Events That Shaped Australia*. New Holland, 2006. p. 130
16. Savulescu J. *Procreative Beneficence: Why We Should Select the Best Children* // *Bioethics*. №15(5). 2001. Pp 413–426.
17. Savulescu J., Kahane G. *The Moral Obligation to Create Children with the Best Chance of the Best Life* // *Bioethics*. №23(5). 2008. Pp 274–290.
18. Savulescu J., Persson I. *The Duty to be Morally Enhanced* // *Topoi*. 2019. №38, pp.7-14.
19. Savulescu J., Persson I. *The Perils of Cognitive Enhancement and the Urgent Imperative to Enhance the Moral Character of Humanity* // *Journal of Applied Philosophy*. №25. 2008. Pp 162–176.

References

1. Andreani Z., Asne P. Moral' i nasilie v mezhdunarodnyh otnosheniyah [Morality and violence in international relations]. Available from: https://vk.com/doc283034_549694780?hash=254cf8fe5e3185e388&dl=c91eb9e3317f2b42b1 [Accessed 30th May 2022]
2. Apresyan R.G. The phenomenon of universality in Ethics: forms of conceptualization. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2016. 8: 79-88.
3. Berdyaev N.A. War and the crisis of intellectual consciousness. Available from: http://www.odinblago.ru/voina_i_krizis_intellig_sozn [Accessed 30th May 2022]
4. Gegel' G. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], Moscow: EKSMO-Press, 2007, p.784
5. Kovaleva T. V. Ethical reception of informed consent. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. [Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relations]. 2011. 2. p.26
6. Makiavelli N. *The Prince* [Gosudar]. Moscow.: Planeta, 1990. p. 80
7. Shmitt K. Concepts of political. *Voprosy sociologii* [Problems of Sociology]. 1992. 1. №1: 37–67.
8. Berlin I. *Tolstoy and Enlightenment*. Berlin I. *Russian thinkers*. London: Penguin Books, 2000. pp. 238—260.
9. Buchanan A. *Better than Human: The Promise and Perils of Enhancing Ourselves*. New York: Oxford University Press. 2011. 216 p.
10. Davenport C.B. *Eugenics Record Office Bulletin No. 6: The Trait Book*. Cold Spring Harbor, NY: Eugenics Record Office. 1912.
11. Douglas T. Moral Enhancement. *Journal of Applied Philosophy* №25. 2008. Pp 228–45.
12. Douglas T. Moral Enhancement. *Journal of Applied Philosophy* №25. 2008. Pp 228–45.
13. Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. Oxford: Clarendon Press, 1980
14. Galton F. *Hereditary Genius: An Inquiry into its Laws and Consequences*. *Nature*. №93. 453 p. <https://doi.org/10.1038/093453b0>
15. Lewis W., Balderstone S., Bowan J. *Events That Shaped Australia*. New Holland, 2006. p. 130
16. Savulescu J. Procreative Beneficence: Why We Should Select the Best Children. *Bioethics*. №15(5). 2001. Pp 413–426.
17. Savulescu J., Kahane G. The Moral Obligation to Create Children with the Best Chance of the Best Life. *Bioethics*. №23(5). 2008. Pp 274–290.

Гарвардт М. А., Перова Н. В.
Универсализм и релятивизм морального агента биологического нравственного
улучшения (на примере политической деятельности)

18. Savulescu J., Persson I. The Duty to be Morally Enhanced. *Topoi*. 2019. №38, pp.7-14.
19. Savulescu J., Persson I. The Perils of Cognitive Enhancement and the Urgent Imperative to Enhance the Moral Character of Humanity. *Journal of Applied Philosophy*. №25. 2008. pp 162–176.